

Интервью превратилось в монолог Лу Тинфэна, который с энтузиазмом рекламировал своего мужа, не скрывая восхищения.

— Он идеален. Во всем, — заявил он без тени сомнения, глядя на Хэ Яна с обожанием, и в его голосе прозвучала такая непоколебимая уверенность, что журналистка на мгновение забыла о следующем вопросе.

— У него природный талант к актерскому мастерству, его дикция безупречна, а эмоциональный диапазон поражает, — продолжил он, и теперь его тон стал более деловым, словно он презентовал совету директоров квартальный отчет, а не рассыпался в комплиментах собственному мужу перед камерами.

— Я же скорее трудоголик, чем прирожденный актер. Но раз я взялся за эту роль, то выложусь на сто процентов, чтобы оправдать доверие зрителей.

Журналистка уже открыла рот, чтобы задать следующий вопрос, но Лу Тинфэн, казалось, вовсе не нуждался в её подсказках — он только вошёл во вкус.

— Усталость? — он искренне удивился и даже слегка нахмурился, будто его спросили о чём-то абсурдном. — Рядом с женой усталости не существует. Его присутствие дает мне силы.

Он перевёл дух, бросил короткий взгляд на Хэ Яна, и что-то в его лице неувовимо смягчилось.

— И пожалуйста, — тут его голос стал твёрже, а взгляд приобрёл ту самую стальную суровость, которая заставляла трепетать конкурентов, — перестаньте называть меня «милым». Это оскорбительно для моего достоинства и статуса.

Журналистка, казалось, потеряла связь с реальностью, упорно повторяя слово «милый», игнорируя протесты мужчины. Лу Тинфэн, мужчина ростом метр восемьдесят восемь с волевым, зрелым лицом и пронзительным взглядом, выглядел возмущенным. Слепая она, что ли? — мелькнуло у него в голове, но вслух он лишь тяжело вздохнул.

Но правда была в том, что Хэ Ян тоже находил его милым. Причина крылась в забавном контрасте: Лу Тинфэн все еще был в роскошном древнем халате своего персонажа, но парик уже сняли, обнажив стильную короткую стрижку. Грим, подчеркивающий скулы и делающий лицо более резким, сочетался с его естественной, юношеской свежестью кожи, создавая диссонанс между суровым образом воина и мягкими чертами лица. Этот образ «ледяного красавца с лицом мальчика» вызывал у окружающих невольное умиление.

Видя, как Лу Тинфэн, этот большой ребенок в теле взрослого мужчины, продолжает спорить с журналисткой, Хэ Ян не выдержал. Он мягко улыбнулся, коснувшись руки мужа, и сказал:

— А мне кажется, ты сегодня действительно очень милый. Особенно когда сердишься.

Эффект был мгновенным. Ледяная маска Лу Тинфэна растаяла мгновенно: он расплылся в такой широкой, совершенно дурацкой и оттого бесконечно трогательной улыбке, что стал похож на счастливого хаски, готового вилять хвостом от одного лишь слова хозяина. Журналистка, получив очередную порцию «собачьей еды», едва не подавилась от смеха, прикрывая рот рукой.

— Итак, финальный вопрос, — продолжила она, стараясь сохранить серьезность, хотя уголки её губ предательски дрожали. — Представьте роли друг друга зрителям. Опишите их одним предложением.

— Вэнь Сичэнь — человек с холодной внешностью, но горячим сердцем. Молчаливый, но обладающий невероятной силой и медицинскими знаниями. Его история стоит того, чтобы ее узнать, — произнес Хэ Ян профессионально и тепло, входя в образ рассказчика.

— Ли Сяояо, — Лу Тинфэн сделал паузу, глядя на мужа с собственническим блеском в глазах, и его голос стал ниже, интимнее. — Тонкая талия, длинные ноги, белая кожа, красивое лицо. И всё это — моё. Навсегда.

В павильоне повисла звенящая тишина: кто-то из ассистентов выронил хлопнушку, и она с глухим стуком упала на пол, режиссёр, поперхнувшись чаем, зашёлся в громком, надсадном кашле, а все присутствующие были застигнуты врасплох этой убийственной прямоотой. Да, все знали, что Хэ Ян принадлежит Лу Тинфэну, но заявлять об этом так открыто, словно маркируя территорию перед миллионами зрителей, было смело даже для него. Хэ Ян смущенно опустил голову, чувствуя, как щеки горят огнем, но в глубине души ему было приятно это безоговорочное признание.

Когда интервью закончилось, Хэ Ян с облегчением выдохнул и опустился на стул рядом с режиссером, наблюдая за игрой других актеров на мониторе, а Лу Тинфэн, как верная тень, следовал за ним: куда бы ни пошел Хэ Ян, он был рядом, чем бы тот ни занимался — наблюдал, не сводя глаз, готовый в любой момент подать воду, плед или просто поддержать за руку. Эта неразлучность стала частью их рутины, привычной и комфортной для обоих. Режиссер, понимая, что эта пара излучает особую, магнетическую химию, дал указание оператору закуситься фиксировать каждый их момент: будь то молчаливое игнорирование друг друга после мелкой ссоры или нежное кормление с ложечки во время перерыва. Эти кадры, полные искренности, обещали стать хитами среди фанатов, жаждущих увидеть настоящую любовь за кулисами.

На съемочной площадке атмосфера любви витала в воздухе, заражая всех вокруг. Помимо главной пары, оформились еще два романтических союза, делая группу похожей на большую, дружную семью. Ван Цзя и Цзинь Чуань стали неразлучны. Ван Цзя превратился в настоящего «раба любви», копируя манеры Лу Тинфэна с комичной точностью. Стоило Цзинь Чуаню кашлянуть, как перед ним тут же появлялась чашка горячего имбирного чая; если он жаловался на скуку, Ван Цзя начинал напевать мелодии, чтобы развлечь его; а когда юноша засыпал от усталости прямо на реквизите, Ван Цзя бережно брал его на руки и относил в трейлер для отдыха. Их забота друг о друге была трогательной, искренней и лишенной всякого пафоса.

Отношения Лю Ширань и режиссера Лю Давэя были более сложными и деликатными. Формально они еще не были парой, так как режиссер, человек осторожный, ответственный и немного консервативный, пока не давал окончательного согласия, боясь смешивать работу и личную жизнь. Это была классическая история «женщина преследует мужчину». Лю Ширань, девушка прямая, решительная и знающая, чего хочет, шла к цели напролом. Ее внезапные проявления заботы — принесенный домашний обед, теплый шарф в холодный день, заботливо укутанный вокруг шеи режиссера — ставили Лю Давэя в тупик, вызывая у него смесь смущения, растерянности и тайного удовольствия. Персонал площадки активно болел за эту пару, подначивая режиссера:

— Режиссер, сдавайтесь! Вам не убежать от чар госпожи Лю! Она уже победила!

— Такая красавица готова готовить для вас и заботиться! Где вы еще найдете такую девушку в наше время? Смотрите, режиссер уже покраснел — он точно попался!

Эти шутки и подбадривания создавали легкую, дружескую атмосферу, снимая напряжение и делая съемочный процесс похожим на праздник.

Съемочная группа жила в гармонии и радости до самого последнего дня. Когда наступил момент завершения съемок (шацзин), улыбки на лицах актеров были яркими, солнечными, но за ними скрывалась глубокая, щемящая грусть. Каждый понимал: такая уникальная, теплая атмосфера, такое единство команды, где все поддерживали друг друга, вряд ли повторится снова в жестоком мире шоу-бизнеса. Актеры стояли на зелёной лужайке перед павильоном с букетами в руках, принимая аплодисменты и крики поддержки от персонала; фотографы щёлкали затворами, фиксируя последние моменты, камеры записывали, как люди обнимаются, роняя цветы и размазывая слёзы по щекам, а где-то вдалеке, за павильоном, кто-то уже начал разбирать декорации, и глухой стук падающих деревянных балок эхом разносился по опустевшей площадке, словно ставя точку в этой истории. Эти кадры, полные искренности и боли расставания, стали финальным аккордом их общего пути.

Лю Ширань рыдала, крепко обнимая Хэ Яна, совершенно игнорируя потемневшее от ревности лицо Лу Тинфэна, стоящего рядом и сверлящего её спину тяжелым взглядом.

— Брат Хэ Ян, я не хочу с тобой расставаться! — всхлипывала она, утирая слезы рукавом, и её голос срывался на высокие, плачущие ноты.

— Тише, тише, я понимаю, — успокаивал её Хэ Ян, поглаживая по спине и чувствуя, как под ладонью мелко вздрагивают её плечи, пока другой рукой он протягивал ей бумажный платок, ощущая, как у самого предательски щиплет в носу.

— Мне будет не хватать твоих блюд, твоих закусок, твоего горячего чая... Ты лучший повар!

— Если захочешь, я пришлю тебе посылку с угощениями, — пообещал он с теплой улыбкой, хотя голос его дрогнул, и он почувствовал, как к горлу подступает тугой, горячий ком.

— Нет! — Лю Ширань замотала головой так отчаянно, что волосы разлетелись в стороны, а из глаз снова брызнули слезы. — Я хочу, чтобы мы продолжали сниматься вместе! Чтобы работали над новыми проектами! Обещай!

— Хорошо, хорошо, обязательно, — смеясь и одновременно смахивая с ресниц предательскую влагу, согласился Хэ Ян, чувствуя, как самому становится грустно.

Лю Ширань искренне привязалась к Хэ Яну, который был всего на месяц старше её, но поражал своей внимательностью, добротой и полным отсутствием звездной болезни: он лично готовил для всей группы, варил фруктовые чаи в жаркие дни, делился закусками и всегда был готов обсудить нюансы актерской игры, помогая новичкам. В индустрии, полной эгоизма, конкуренции и скрытых интриг, такие люди были редкостью, почти мифом. Происходя из обычной семьи и проработав в шоу-бизнесе несколько лет, Лю Ширань видела многое: высокомерие звезд, отчаяние массовки, темные стороны закулисья, где человеческие жизни часто ничего не стоили. Но Хэ Ян и Лу Тинфэн были другими. Они относились ко всем на равных, ели ту же простую еду, что и остальные, сидели на тех же складных стульях и никогда не позволяли себе высокомерия или пренебрежения. Режиссер Лю Давэй, подводя итоги работы, сказал им на прощание, глядя в глаза обоим:

— Вы можете быть новичками в большом кино, но ваша скромность, воспитанность и талант говорят сами за себя. Вы доказали, что можно оставаться человеком в любых обстоятельствах. Я уверен: вас ждёт большое будущее. Вы заслужили этот успех своим трудом и сердцем, и я горжусь тем, что работал с вами.

<http://bllate.org/book/16098/1614710>